

ПЕЧАТЬ И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА
КРИТИКИ
И БИБЛИОГРАФИИ

1925

КНИГА
ПЯТАЯ - ШЕСТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ.

(По данным этнографической экскурсии в Диево-Городище, Яросл. губ.)

А. М. Смирнов (Кутаческий).¹

Троица. Старорусский праздник русалий, березок и завивания венков... А перед тем только строгий приказ: «за порубку деревьев на праздник троицы ради религиозного суеверия — штраф...». Но строгость напрасная. В округе Диево-Городища народная старина канула в вечность... Валом валят со всех сторон гости на второй день праздника в дер. Старово — живописные белые пятна на молодой зелени. Несколько сот человек молодежи парами, шеренгами, группами бродят по деревне, задерживаясь на время где-нибудь на оконице около гармониста и кружка модных танцев. Все белые платья и белые туфельки. Модные прически и костюмы. Самая утонченность манер. Ни одной малявинской бабы. Город заворожил своей «культурой», убил бытую деревенскую красоту. Только кучка молодцов, взвинченных самогоном, впрочем, прилично, по-городски одетых, являет во всей наготе родной быт; из протesta против мертвей чинности, привлекая общее внимание, они горланят пьяно какую-то нескладицу. Вот уж три часа гости блуждают так из конца в конец по деревне. Мы тщетно ждем и ищем хороводов, плясок, игр. Вдруг деревня начинает пустеть; нам говорят: гулянье кончилось. Издали виднеются те же удаляющиеся белые пятна. Думается, эта картина хорошо характеризует не один ярославский пригородный район. Мы прошли 6 деревень, общались с гостями, прибывшими за десяток-другой верст, и вся округа в диаметре верст 25—30, можно сказать, представляет одну картину: старая поэзия умерла, жизнь формирует новую культуру; однако на старой почве есть кое-какое брожение поэтических сил с новым уклоном. На этих мотивах современной поэзии в обстановке подгородного быта я и хочу остановиться. Частушка по-прежнему господствует. Она основа всей поэтической жизни деревни. Открывая пути к разнообразным выражениям поэтического творчества, она является наиболее свободным, подвижным, так сказать, ходовым материалом. Частушки — это ключи, упрямо проби-

вающиеся из-под почвы. Есть в них и кое-какие местного колорита мотивы, вроде:

Широка моя постель — д'Волга-матушка река
Да высоки мои зголовья — вокрутые берега.

Или в духе новой культуры:

Мы, подруженька, с тобой давай напудримся мукой:
Што за милый за такой, нас не любит никакой.

Или:

Купи, маменька, на платье, постарайся кумачу,
Я сошью его капотом, не поддамся богачу.

Но уже частушка не удовлетворяет. Потому ли, что культурные условия жизни, комсомол, рабфаковцы, близость Ярославля требуют иной поэзии или сама частушка эволюционирует, но только явно чувствуется запрос к какой-либо новой форме поэтического выражения. Прежде всего, ощущается потребность в длинной песне. Сейчас в деревне, и не только под Ярославлем, то-и-дело услышишь законченную, длинную, связную песню. Для этой цели переворачивают на новый лад даже старину. Нам пришлось записать старинную сказку про Фому и Ерему, которую деревня распевает ни больше ни меньше как на манер частушки. Но особенно это стремление обнаруживается в так называемых «продольных» песнях, очевидно, противоположных обрывочной частушке. Мы их записали пять. Одна из них представляет стихотворение или роман, повидимому, мастера своего дела, если не взято из какого-нибудь патентованного собрания стихотворений.

Была пора, мы встретились случайно,
ты молод был, а я еще дитя,
и в двух сердцах открылись наши тайны,
и мы влюбились оба не шутя.

У нас вчера с тобой свиданье было,
среди кустов сирени, у пруда,
под тихий шум и нежное лобзанье,
и соловей так чудно пел тогда.

Ты мне шептал, что искренне так любишь
и ласки ждешь ты от меня.
Ох, милый друг, себя ты этим губишь,
сильнее не могу любить тебя.

О, боже мой, что сделала природа:
без двух вещей прожить я не могла —
без милова я таяла, как свечка,
а без любви завяла бы, как трава.

Слово «вчера» и склад последней строфы выдают деревенскую самодельщину с сильным сентиментальным уклоном. И это лучшее. Другое, в таком же сентиментальном духе, только по внешности цельное, в сущности же все составное, словно из каких старых обрывков. Начинается оно с воспоминаний, «как целовались», как называли: «милый мой».

Ну, а теперь, изменчик мой,
ты обещал венец и славу,
а сам другую полюбил.
Пущай богачка тебя полюбит,
пущай владеет она тобой,
она любить так не сумеет,
как я любила, милый мой.

Затем угрожает:

А если в жизни что коснется,
меня уж нет: я померла.
А не умру, так замуж выйду,
тебя на свадьбу позову.
Родится сын — любить я буду,
твоим я имем назову.

Но настроение снова меняется:

Уж чудится гроб дубовый
со мной на кладбище несут.

Дальше:

Под крестом моя могила,
а на кресте моя любовь.

И просьба:

Еще вы надпись напишите,
что умерла через любовь.

И новые контаминации:

Пусть судит бог, пусть судят люди...
Я в жизни разум и кумир...
И выну сердце я из груди,
и брошу в этот злобный мир.
Моя дерновая могила
травово скоро зарастет...
Ково безумно так любила,
тот на могилу не придет.

Так примитивно, полуграмотно, нанизывая факты и образы, контаминируя обрывки старых песен, стараясь выражаться по-ученому; наивное деревенское творчество создает продольную песню. Вместо задорного, ухарского частушечного выкрикивания ее можно тянуть без конца, даже не считаясь особенно с текстом, лишь бы длительно разрешалось настроение, насыщалось томление души. Главное же в каком-либо мотиве тягучем, в песне без слов.

Последнее обстоятельство переводит нас к так называемым «танцевальным» песням. Это, можно сказать, современная обрядовая песня. Ее обряд — шесть фигур кадрили, к которым нужно было приспособить какой-либо мотив. Помню одну миниатюрную экскурсионную картинку. Поздний вечер в деревне Пьянове. Мы сидим среди деревни на бревнах; около нас толпа ребят. Гонят коров домой; чувствуется исход праздника; в каждом доме — свои хозяйствственные дела. А около нас только что при-

бежавшие откуда-то четыре девчонки, не обращая ни на кого внимания, под песни, на расстоянии трех шагов, танцуют кадриль. Они поют, но что поют, разобрать никак нельзя. Чувствуется и — для них не важны самые слова, важен мотив, свой, для каждой фигуры. Это тихое мурлыканье девочек, с припевом «ай лелю, лелю, лелюлелю», словно погруженных в мир своих грез, среди общего такого чуждого им настроения, создает интересную картину. Кстати, на таких девочках-подростках всего лучше наблюдать непосредственность этого поэтического настроения. Повторяя взрослых, они искренне отдаются этим переживаниям и воспринимчивее схватывают каждый штрих, каждую подробность.

Вот в этих-то танцевальных песнях есть много отражений частушек, устремленных на создание долгой песни. Вообще говоря, уже в них самих чувствуется наклонность к известной связности. Нередко они объединяются по темам: вы встретите разные «страдальные», «наборные», «под подушку». Вот из последних:

Ты подушка, ты подушка,
ты ли пуховая,
ты девчонка, ты девчонка,
ты ли молодая.
С кем гуляла, молодица,
низко кланялась;
целовала кавалера,
не куражилась... и т. д.

Но гораздо сильнее танцевальная длительность фигур кадрили заставляла циклизовать четверостишия частушек, объединяя их в известную цельность. Некоторые прямо спайки частушек. Вот, напр., четвертая фигура:

Наша новая деревня с поворотом улицы;
не ходи, подружка, замуж, дорогая умница.
Поутру рано вставала зеленую жала розь;
У симпатии у пьянова характер нехороши.
По характеру, подруженьки, судьбы не выберешь...
Говорил хороший мне, не бойся, милая моя,
когда жениюсь, так переменяется характер у меня.

Спайка здесь чисто механическая, вызванная танцем. В других цельность внутренняя.

В огороде я косила травку ворону коню —
никаково нет порядочка у милова в дому.
Ты женись, хороший, я тебе советую.
У тебя семейка малая, работать некому.
Не гляди, милой, на это, что я бойкая сейчас.
Буду тихой и смиренной во семечке у вас.

Здесь уже целая картина, хотя всю песню можно разложить на ряд самостоятельных частушек. Главное же, нужен мотив песни для танца, а не ее слова; танец кончился, и текст песни можно оборвать на середине, как, напр., в следующей:

От Тимохина села черемуха расцвела
всяким разным разностям — белорозовым кистям.
Стали листики валиться, стало лето проходить —
Досхорошие молодчики перестали к нам ходить,
нам не десять, нам не пять, пригласили бы гулять.

Последние два стиха ясно показывают, что танец кончился, и песнь уж не нужна. Поэтому не следует быть и особенно требовательным к ее содержанию. Оно может не отличаться большим смыслом. Все дело не в нем, а в мелодии, в кадансе. Вот, напр.:

Скажем, сени, наши сени,
милый ручку крепко жал (2).
Я в любви не признавалась —
появился в лице жар (2).

В лице жар не отпаднет,
милой за руку берет (2),
танцевать с собой ведет.

Если польку знать хотите,
так учитесь у меня,
чаще под ноги смотрите
и танцуйте, как и я...

Последняя строфа совсем вроде институтского регарде-марше, сестрицы, ком-зелев идет гарсон... Без особенного смысла, и, как видно, искусственное продолжение ради танца. И беда ли — ведь главное в мотиве. Так выходит народное песнотворчество из стеснительного трафарета четверостишной частушки.

Есть еще один мотив творчества, создающий если не новые формы поэзии, то расширяющий поэтический интерес деревни сверх-традиционной частушечной манеры. Это потребность сатиры. Несомненно, она пытается сейчас острословным зубоскальством рядовой частушки; многие из них изрядно посолены. Но они уже перестают удовлетворять свою разрозненностью, обрывочностью мелких штрихов, отсутствием широкой, полной картины. Между тем, бытовой факт требует иногда разностороннего описания, углубленного осмысления, последовательно-драматизованного сюжета. Появляются памфлеты, сатирические песни, разного рода поэзия на злобы дня. Искусную довольно работу мастера представляет следующая пародия:

Располным полна кадушечка,
есть там дрожжи и мука,
как откроешь — в нос бросается,
обещает быть крепка.
Заберусь я в баню кособокую,
там я очку просижу,
завяжу окно тряпицею,
дров заране принесу.
Не скрипи ты, дверь скрипучая,
свято тайну сохрани...
Только знает ночка темная,

сколько выгнали они.
Распустым пуста моя кадушечка,
не кипит больше котел,
аппарат взяла милиция
и составила протокол.

Подобные песни-памфлеты страшно занимают сейчас деревню. Задевая какой-нибудь факт, интересующий ряд окрестных селений, в остроумно-поэтической форме, пусть весьма скромной, освещая злободневный момент, эти песни приковывают к себе общее внимание. О них говорят, как о чем-то особенно ценном; на их творцов показывают, как на героев, а те выступают перед вами не без самодовольства.

— «Про коллектив, про коллектив им надо рассказать,—шушукаются парни.—Кто знает весь». Каждый, оказывается, знает всего две-три строфы. «Васька Ерофеев знает, вот это уж песня самая настоящинская, из теперешнего... у него листок». — «Кто Васька Ерофеев?» — спрашиваем. — «А так, парень, лет восемнадцати, с того конца улицы, он и написал, и листок у него. Теперь все поем, никому проходу не даем... Кто злится, кто смеется». Дело, оказывается, в следующем. Весной в с. Павликове (как и в других соседних деревнях) решили переделить землю; каждый явился с своими претензиями, подталкиваемый разными мотивами. Разумеется — галдеж, ругань, чуть не драка; порешили отложить до осени. Впрочем, лучше об этом расскажет сама песня.

...Тут и бабы все сбесились,
на собрание зовут:
мы делить все не желаем,
заявляйте снова в суд.

А Клавдия вылетает,
начинает говорить:
«Мое мнение такое —
надо землю поделить».
Тетка Марья заявляет:
«Время нечего терять,
собирайтесь завтра утром,
надо к делу приступать».
У Мары руки опустились,
не работают пока:
у нее земли немногого,
а четыре едока.

Вот Степана все смущают:
«Подпишися на листок»,
А Степан им отвечает:
..... на шесток».
А Степан мужик неглупый,
знает, что поговорить...
«Как хотите хлопочите,
все равно не поделить».
Тут на Федора грызутся:
самогоном подкупил,
а Зиновий подтверждает,
Что Никита пособил.

Дядя Павел заявляет:
 «На девчонку дай земли»,
 а жена его ругает:
 «Милый Паша, не бери».
 Сергей Павлычу не спится:
 все на отруб хочется...
 Клопотать Захар мутит:
 им делить не хочется.
 Так закончили с дележкой
 все до осени пока,
 поделить-то им охота,
 вот и жмут себе бока..

Конечно, в смысле поэтическом песня имеет очень небольшую цену. Ни сатирического образа, ни поэтического языка, ни выдержанного размера, ни какой-либо стройной концепции. Просто ученическое баловство было гимназиста-третьякласника по адресу учителей. Но сколько шуму эта поэма наделала в деревне, с какой почтительностью о ней говорят, каким совершенством она кажется, и сам творец вырос... до героя.

В таком же роде другая сатира на коллектив. Это уж в деревне Пьянкове.

Как во Пьянкове деревне
 состоялся коллектив,
 ну, и что ж-то тут их семеро,
 а толку нет от них.
 Вот в одно прекрасно время
 шел я в Пьянково гулять.
 Остановился я в деревне,
 слышу, что-то говорят...
 Коллективщиков собранье
 Начинает обсуждать.
 «У Петровича Сашуха больно баба хороша»...

Разумеется, все эти памфлеты, заостренные беззастенчиво против определенных лиц, со временем вымрут. Их питает пока и создает вокруг них интерес злободневность, а не поэтическая самоценность. Но все же характерен в них уклон поэтической мысли, даже при всей убогости их выражения. Очарование своего, родного, любованье местным, так сказать, производством может быть иногда длительным. Нам, в нескольких деревнях, в которых мы были, рассказывали о песне, сложенной по поводу события, имевшего место во время гражданской войны за Волгой. Событие это — увод из стада скрывавшимися в лесу дезертирами коровы; песня рассказывает, как они ее освежевали, как, мечтая о табаке и выпивке, отправились-было с мешками мяса в город, но наткнулись на милицию, которая мясо отобрала, а их арестовала. Какой-то доморощенный пинта облек это событие в стихи, весьма посредственные, а вся округа рассказывает об этой песне, как о каком-то местном шедевре.

Когда чуть ли не в каждой деревне наталкиваешься на такого рода творчество, когда наблюдаешь повсюду такой чрезмерно повышенный интерес к нему, делаешь один вывод: частушка надоела деревне. Из нее

ищут выхода, а его нет. Настоящая интеллигентная культура города с разнообразием его творческих исканий еще далека и непонятна деревне, а свое творчество не возвышается далее приведенных памфлетов, являясь примитивным.

Глядя на это современное достояние народной поэзии, делаешь и еще один вывод. Наши старинные народные песни, былины, духовные стихи нужно считать произведениями особенно талантливых людей, быть может, профессиональных мастеров своего дела. Вот почему это творчество, ради его высокого достоинства, цельное, широко-тиpicное, богатообразное и яркое по языку, сохранилось до нашего времени. Остальное, посредственное, злободневное, случайное отмерло, как шелуха. Современное достояние народной поэзии Диево-Городищенского района также полно временного, местного интереса. Думается, оно больше симптоматично, чем влиятельно и длительно. Почему так? Ответ стоит в начале. Не есть ли это неизбежный результат убившей местную самобытность подгородной полупарижской культуры?..